

у 64% — к общительности, у 36% — к необщительности, у 49% — к принятию «борьбы», у 51% — к избеганию «борьбы».

По результатам исследования в группе V курса у 18% испытуемых в когнитивной составляющей «Я-концепции» проявляется тенденция к зависимости, у 82% — к независимости, у 90% — к общительности, у 10% — к необщительности, у 87% — к принятию «борьбы», у 13% — к избеганию «борьбы».

Сравнительный анализ показал, что студенты V курса специальности «Практическая психология» более открыты для внешнего мира, они более общительны и независимы. Для них характерно внутреннее и внешнее стремление личности не принимать групповые стандарты, как социальные, так и морально-этические. Их личность характеризуется непокорностью воле лидера, независимостью в своих поступках. В поведении проявляется самостоятельность, решительность, упорство в отстаивании своих взглядов, стремление участвовать в групповой жизни, достигать более высокого статуса в группе, принципиальность в оценках, работоспособность и целеустремленность.

Заключение. Проведённое исследование свидетельствует, что когнитивная составляющая «Я-концепции» будущих психологов претерпевает изменения в период обучения в университете. Если у большинства студентов I курса в их представлениях о себе ярко проявляется тенденция к зависимости, т. е. в какой-то степени покорность чужой воле, безропотность при выполнении приказов, то студенты V курса в большей степени характеризуют себя как независимых в своих поступках, уверенных в правильности своего поведения. Представление о себе как об общительных людях имеют более половины студентов I курса и почти все студенты будущие психологи V курса. Высокая оценка своего стремления к борьбе, упорства в достижении цели, настойчивости в отстаивании взглядов характерна для половины студентов I курса и почти для всех студентов будущих психологов V курса. К V курсу значительно снижается количество тех студентов, которые осознают у себя склонность к компромиссным решениям, зависимость, нерешительность, подчинённость чужой воле, безынициативность.

Список цитируемых источников

1. Дутчина, О. Б. Роль уровня притязаний в личностно ориентированном образовании студентов / О. Б. Дутчина // Теория и практика становления личностно ориентированного обучения : материалы регион. науч.-практ. конф. — Хабаровск : ХГПУ, 1996. — С. 70—72.
2. Дутчина, О. Б. Проблема соотношения уровня притязаний и самооценки / О. Б. Дутчина // Теория и практика становления личностно ориентированного обучения : материалы 42-й науч. конф. — Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 1996. — С. 73—75.
3. Дутчина, О. Б. Роль уровня притязаний в профессиональном становлении личности будущего учителя / О. Б. Дутчина // Теория и практика становления личностно ориентированного обучения : материалы 43-й науч. конф. — Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 1997. — Вып. 2. — С. 14—16.
4. Дутчина, О. Б. О профессиональной «Я-концепции» учителя / О. Б. Дутчина // Психологическая наука — практике : сб. науч. ст. : [в 2 ч.]. — Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 1999. — Ч. 1. — С. 92—96.

Материал поступил в редакцию 19.02.2014 г.

УДК 159.923

О. В. Белановская, кандидат психологических наук

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка», Минск

ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ СУБЪЕКТИВНОЙ КАРТИНЫ БУДУЩЕГО СТУДЕНТОВ

Введение. Современное общество меняется с огромной скоростью и, следовательно, меняется мировоззрение людей, их отношение к собственной жизни. Сегодня для общества характерны все признаки переходности: радикальная переоценка ценностей, неясность перспектив, распространённость катастрофического мировосприятия, нарушение преемственности в отношениях между поколениями, отсутствие ясных и социально признанных способов реализации индивидуальных жизненных стратегий. Жизнь сегодня сегодняшним днём означает, завтра жить днём вчерашним, настолько быстро и динамично изменяются условия и содержание жизни общества и личности. Знать будущее, уметь созидать его во всё более широких масштабах, теснее увязывать с острыми проблемами настоящего — таковы задачи, которые требуют практического решения и научного обоснования.

Личность и её развитие традиционно рассматривались на пересечении двух осей — времени и пространства. В отечественной литературе пространство идентифицируется с социальной действительностью, социальным пространством, предметной действительностью. По словам А. Г. Асмолова, человек становится личностью, если с помощью социальных групп включается в поток деятельности и через их систему усваивает экстернизированные в человеческом мире значения [3].

Основная часть. Проблема пространства и его психологическая трактовка обсуждалась в работах С. Л. Рубинштейна [11]. Он трактует её в качестве проблемы бытия, мира и существования человека как действующего, воздействующего и взаимодействующего субъекта. Эта точка зрения, безусловно, отличается от позиции, высказанной А. Г. Асмоловым [3], поскольку допускает возможность организации жизненного пространства самой личностью. Последнее определяется способностью человека к установлению разнообразных отношений с другими людьми. Другой человек, отношения людей, их поступки как реальные «человеческие», а не «предметные» условия жизни — такова онтология человеческой жизни. Пространство личности определяется её свободой, умением выйти за пределы ситуации, раскрыть свою подлинную человеческую природу. В связи с такой трактовкой пространства личности формулируются вопросы свободы и несвободы личности, отношения «Я — Другой», переживания состояния и чувства одиночества и др.

Проблема времени в философской и психологической литературе разработана более подробно. Решение кардинального для психологии вопроса об объективном и субъективном времени позволило в дальнейшем раскрыть временные аспекты психики, механизмы их действия — скорость, ритм, интенсивность.

В более широком контексте проблема времени жизни была решена в концепции личностной организации времени К. А. Абульхановой-Славской [1]. Понятие личностного времени раскрывается в этой теории через категорию активности, которая выступает как способ организации времени жизни, как способ превращения потенциального времени развития личности в реальное время жизни, наполненное особым смыслом и качеством.

Действительно, временные особенности составляют одну из важнейших характеристик психики, с одной стороны, и объективно «время» является пространством для развития личности — с другой, поэтому без исследования индивидуальных особенностей, переживаний и организации не может быть создано целостное представление о человеке. В рамках данного подхода ведутся многолетние теоретико-эмпирические исследования, вовлекающие в изучение всё более широкий спектр временных параметров, выявляющих отношение людей ко времени и влияющих на его организацию. Через понятие транспективы В. И. Ковалёв [5] предложил подход, вскрывающий единство прошлого, настоящего и будущего, а также впервые в отечественной психологии представил типологию личностной организации времени: стихийно-обыденный тип регуляции времени (характеризует зависимостью от событий, ситуативностью, неумением организовать последовательность событий, отсутствием инициативы); функционально-действенный (имеет активную организацию событий в определённой последовательности, умение регулировать этот процесс: инициатива возникает только актуально, отсутствует пролонгированная регуляция времени жизни — жизненная линия); созерцательный тип (характеризуется пассивностью, отсутствием способности к организации времени; пролонгированные тенденции обнаруживаются только в сферах духовной и интеллектуальной деятельности); созидательно-преобразующий тип (имеющий такие свойства как пролонгированная организация времени, которая соотносится со смыслом жизни, с логикой общественных тенденций).

Л. Ю. Кублицкене выявила связь осознания, переживания и практической организации времени в разных режимах деятельности у разных типов личности (оптимальный — успешно работает во всех режимах, справляется во всеми временными задачами; способен к организации времени; дефицитный — сводит все возможные режимы к дефициту времени, поскольку именно в дефиците действует успешнее всего; спокойный — испытывает трудности при работе в дефиците времени, стремится знать всё заранее, планировать свои действия, дезорганизация поведения возникает при заданности времени извне; исполнительный — успешно действует во всех режимах, кроме временной неопределённости, во всех режимах с заданным сроком; тревожный — успешен при оптимальном сроке, неплохо работает в избытке, но избегает дефицитной ситуации) [6; 7], а В. Ф. Серенкова — соотношение осознания и планирования, неоднозначную связь настоящего и будущего времён [12]. Проблема соотношения осознанной (рационально обоснованной) организации времени с неосознаваемыми (иррациональными) механизмами изучалась Т. Н. Березиной [2; 4]. О. В. Кузьмина объединила в своей исследовательской модели рефлексия, переживание и практическую организацию времени, включив в неё обычно обособленно исследуемое восприятие времени.

Анализ времени жизни и её организации даёт возможность точно и дифференцированно классифицировать индивидуальные варианты временной регуляции жизненного пути личности, исследовать индивидуальные различия между людьми в организации времени и рассмотреть проблему временной или жизненной перспектив.

В психологической литературе можно встретить большое количество терминов, описывающих представления личности о будущем: жизненные цели, ориентации на будущее, жизненная перспектива, жизненные планы, планирование будущего и пр. Эти понятия во многом близки по содержанию и нередко используются в одном контексте для характеристики совокупности представлений человека об основных линиях и ориентирах его дальнейшего жизненного пути, однако за их содержательным сходством стоит не менее существенное различие. По мнению И. О. Мартынюка, жизненный план — есть способ пространственно-временной конкретизации и координации целей,

он намечает пути, средства, темпы и порядок движения к цели [8]. Жизненные планы, как и жизненные цели, являются показателем социальной зрелости личности, фиксируют последовательность её восхождения от одного уровня развития к другому. В этой связи совершенно справедливым выглядит замечание Л. Н. Когана: «Жизненный план — не только предвидение возможного будущего, но и определённое самопредписание, определение задач, которые человек ставит перед собой и которые он обязательно должен выполнить. С этой точки зрения жизненный план есть — важнейшее средство самовоспитания: человек создает желаемый собственный образ, идеальную самомодель. И от его настойчивости, силы воли и зависит, осуществится ли она» [9].

На наш взгляд, одним из перспективных путей является концептуализация жизненных планов как социально-психологического понятия в более широком методологическом контексте концепции образа жизни, как составной части субъективной картины жизненного пути личности. При этом в нашем исследовании мы опираемся на положения «субъективно-событийного подхода», разработанного А. А. Кроником и Е. И. Головахой, которые рассматривают жизнь как взаимосвязь ряда событий с их субъективными переживаниями.

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей жизненных планов и жизненной перспективы у студентов. В исследовании принимали участие 105 студентов I и V курсов учреждения образования «Белорусский национальный технический университет» в возрасте от 17 до 22 лет. Экспериментальное исследование проводилось при помощи методики «Ситуативная каузометрия» А. А. Кроника, позволяющей выявить особенности жизненных планов студентов в составе субъективной картины их жизненного пути.

В ходе анализа данных среди студентов I курса (56 человек) 7% испытуемых отказались от исследования, аргументировав отказ отсутствием жизненных планов, у 9% испытуемых в списке событий отсутствуют высказывания, относящиеся к будущему, а у 11% имеется по одному — два высказывания. У студентов IV курса (59 человек) наблюдается снижение количества отказавшихся описывать события жизни (3%), людей с отсутствием жизненных планов (7%) и сужением жизненной перспективы (2%).

Для студентов I курса наиболее значимыми являются сферы «семья и быт» и «работа, образование» (30,0% и 26,0% высказываний соответственно). На втором месте по значимости находятся сферы «внутренний мир» и «досуг, общение, хобби» (14,6% и 14,3% высказываний по сферам). Затем идут высказывания, относящиеся к «обществу» и «здоровью» (8,7% и 5,3%). Практически никак не отражается в жизненных планах студентов I курса «природа» (1% высказываний).

Сходные результаты наблюдаются и у студентов IV курса. На первом месте среди их высказываний находятся сферы «семья и быт» и «работа, образование», причём наблюдается некоторое снижение удельного веса высказываний, относящихся к сфере «работа, образование», при значительном повышении интереса к вопросам «семьи и быта» (23,5% и 40,7% соответственно). Этот факт можно объяснить приближением возраста предполагаемой женитьбы/замужества. На втором месте, так же, как и у студентов I курса, находятся сферы «внутренний мир» и «досуг, общение, хобби» (12,4% и 11,2%). Удельный вес высказываний, относящихся к этим двум сферам, по сравнению с I курсом, снижается. Как и первокурсники, студенты IV курса меньше внимания уделяют сферам «общество» и «здоровье», также со снижением удельного веса высказываний в этих сферах (6,4% и 4,1%). Наименьшую привлекательность имеют события, связанные с «природой» (1,3%) при минимальном увеличении удельного веса по сравнению с I курсом. В целом, общее количество сфер принадлежности жизненных планов по выборкам студентов I и IV курсов не имеет статистически значимых различий.

Анализ отдельных событий студентов I и IV курсов позволил выявить следующие особенности динамики жизненных планов студентов. У студентов разных курсов отмечаются как схожие или распространённые события (окончание университета, устройство на работу, создание семьи и т. д.), так и одиночные события, не характерные для общей массы студентов (изобрести нанотехнологии в медицине, понять смысл жизни, участвовать в акциях милосердия и др.), что свидетельствует об индивидуальности каждой личности.

Отмечается повышение значимости события «создание семьи», что является подтверждением тенденции увеличения к IV курсу интереса к сфере «семьи и быта», выявленной при анализе сфер принадлежности жизненных планов студентов. Это событие является наиболее встречаемым среди студентов I и IV курсов. Наблюдается снижение значимости таких событий, как «окончание университета», «работа», «уход на пенсию», «рождение внуков» и «смерть».

Между тем, как показывают результаты проведённого исследования, далеко не у всех молодых людей потребность обращаться к будущему, выходить за пределы сегодняшней ситуации в предстоящую жизнь достигает высокого уровня развития. Большое количество респондентов под разными предлогами уходит от конкретной характеристики собственного будущего, не имеют его содержательной модели. Будущее предстает как совокупность некоторых формально-объективных моментов, слабо обоснованных прошлым, настоящим и собственной активностью. Программа действий по достижению желаемого малореальна, будущее кажется почти буквальным продолжением настоящего. Часто наблюдается феномен «нереалистического оптимизма», проявляющийся в склонности давать

более высокие оценки своим личным возможностям относительно позитивных будущих жизненных событий и значительно более низкие оценки негативным событиям. Большинству респондентов с трудом даётся совмещение ближней и дальней перспектив.

Заключение. Данные результаты свидетельствуют о необходимости проведения профилактических и коррекционно-развивающих мероприятий со студентами в целях выработки у них навыков адекватного планирования и снижения степени переживания будущего как проблемы. Этот процесс невозможен без специального руководства развитием у молодёжи способности к рефлексии жизни, без постоянного стремления вызывать потребность взглянуть на человеческую жизнь с позиции её ценности, смысла. Говоря словами В. Франкла, «чем раньше задаст человек вопрос о смысле жизни, тем раньше он начнет жить по-человечески, так как поиск смысла является главной силой жизни» [13, с. 118].

Одним из путей развития ценностного отношения к жизни в юношеском возрасте, по мнению Е. В. Некрасовой, является обучение анализу собственного жизненного пути, себя во времени как субъекта жизнедеятельности [13]. При организации такого обучения необходимо исходить из следующего: важным источником активности человека является нахождение связей, зависимостей в своей жизни, во всех отношениях с действительностью и, прежде всего, с людьми. Определяющей при организации взаимодействия со студентом должна быть ориентация на то, чтобы помочь ему увидеть собственное прошлое, настоящее и будущее единым целым, самого себя в широкой временной перспективе; дать возможность задуматься, как соотносятся близкие и дальние цели, возможности и желания.

Важно помнить о том, что внимание к социальным аспектам «Я» повышает вероятность социально-нормативного поведения, сосредоточенность же на интимном, внутреннем «Я» такого эффекта не дает. По мнению В. Э. Чудновского, помощь должна быть оказана в поиске не «абстрактного смысла жизни», а смысла жизни «в данный момент времени» [14]. Эта помощь должна способствовать появлению «внутреннего напряжения», являющегося, по мнению В. Франкла, предпосылкой психического здоровья, возможностью ухода от скуки, экзистенциального вакуума. Справедливо указывается, что человеку необходимо не равновесие, а духовная динамика «в рамках полярного напряжения, где один полюс представляет собой смысл, цель, которая будет реализована, а второй полюс — человека, который должен осуществить эту цель» [13, с. 121—122].

Список цитируемых источников

1. Абульханова-Славская, К. А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности / К. А. Абульханова-Славская // Психология формирования и развития личности. — М. : Наука, 1981. — С. 19—45.
2. Абульханова, К. А. Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина. — СПб. : Алетейя, 2001. — 304 с.
3. Асмолов, А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А. Г. Асмолов. — М. : Смысл, 2007. — 528 с.
4. Березина, Т. Н. Трансперспектива как модель личностной организации времени / Т. Н. Березина // Индивидуальность как субъект и объект современной жизни : материалы науч.-практ. конф. — Смоленск : [б. и.], 1996. — С. 85—90.
5. Ковалёв, В. И. Особенности личностной организации времени жизни / В. И. Ковалёв // Гуманист. проблемы психолог. теории. — М. : Наука, 1995. — С. 179—185.
6. Кублицкене, Л. Ю. Личностные особенности организации времени : автореф. ... дис. канд. психол. наук / Л. Ю. Кублицкене. — М. : [б. и.], 1989.
7. Кублицкене, Л. Ю. Организация времени личности как показатель её активности / Л. Ю. Кублицкене // Гуманист. проблемы психолог. теории. — М. : Наука, 1995. — С. 185—192.
8. Мартынюк, И. О. Жизненные цели личности: понятие, структура, механизмы формирования / И. О. Мартынюк. — Киев : Наук. думка, 1990. — 119 с.
9. Коган, Л. Н. Цель и смысл жизни человека / Л. Н. Коган. — М. : Мысль, 1984. — 252 с.
10. Некрасова, Е. В. Временной аспект самосознания в юношеском возрасте / Е. В. Некрасова // Сибир. психолог. журн., 1998. — Томск : [б. и.]. — Вып. 8—9. — С. 22—25.
11. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. — 328 с.
12. Серенкова, В. . Типологические особенности планирования личностного времени / В. Ф. Серенкова // Гуманист. проблемы психолог. теории. — М. : [б. и.], 1995. — С. 192—204.
13. Франкл, В. Человек в поисках смысла жизни / В. Франкл ; под ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. — М. : Прогресс, 1990. — 226 с.
14. Чудновский, В. Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни / В. Э. Чудновский // Вопр. психологии. — 2003. — № 3. — С. 3—15.

Материал поступил в редакцию 19.02.2014 г.